

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Атакьян Г.С., Нещеретова Т.Т., Чалабаева Л.В. Американско-английский язык и его положение в мире в контексте американской политики лингвистического империализма // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75853 EDN: WIBJOI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75853

Американско-английский язык и его положение в мире в контексте американской политики лингвистического империализма

Атакьян Гаянэ Самвеловна

кандидат филологических наук

доцент кафедры русской и зарубежной филологии Анапского филиала Московского педагогического государственного университета

353440, Россия, Краснодарский край, Анапский р-н, г. Анапа, ул. Астраханская, д. 88

✉ ms.atakyan-gayana@mail.ru

Нещеретова Тамара Теучежевна

кандидат филологических наук

доцент, зав. кафедрой арабского языка и вторых иностранных языков Адыгейского государственного университета

385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208

✉ neschet@bk.ru

Чалабаева Людмила Владимировна

ORCID: 0009-0004-5866-1650

кандидат филологических наук

доцент Филиала Российского государственного социального университета в г. Анапе Краснодарского края

353440, Россия, Краснодарский край, Анапский р-н, г. Анапа, ул. Тургенева, д. 261

✉ cha-ludmila@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75853

EDN:

WIBJOI

Дата направления статьи в редакцию:

11-09-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена комплексному анализу положения американско-английского языка в глобальном международном контексте, с акцентом на политику лингвистического империализма США. В работе рассматриваются исторические и современные аспекты распространения американско-английского языка как глобального средства коммуникации, а также его влияние на другие языки и культуры. Особое внимание уделяется стратегиям, используемым США для продвижения своего языкового и культурного влияния, включая образовательную политику, медиа и международные отношения. Исследование опирается на методы социолингвистики и теоретико-методологическую базу, представленную не только классическими работами Р. Филипсона и М.А. Марусенко, но также и многочисленными научными разработками, выполненными российскими исследователями в рамках петербургской школы изучения лингвистического измерения мировой политики (В.С. Ягья, Н.В. Ковалевская, Я.Н. Шевченко), что позволяет сравнительно глубоко проанализировать процессы, связанные с распространением американско-английского языка в мире. В статье также рассматриваются последствия этого процесса для языкового разнообразия и культурного суверенитета других стран. Исследуются вопросы сопротивления и адаптации к лингвистическому империализму, а также предлагаются подходы к сохранению языкового и культурного плюрализма в условиях глобального взаимодействия. Авторы приходят к выводу о том, что последовательное проведение в жизнь политики мультикультурализма способно не только отвлечь энергию от решения наиболее актуальных проблем общества, связанных с расизмом и классовым неравенством, но и препятствует этноязыковым меньшинствам в осознании реальных первопричин их бедственного положения. Работа подчеркивает важность осмысления политики лингвистического империализма в контексте современных политико-языковых отношений между нациями в борьбе за власть и мир.

Ключевые слова:

американско-английский язык, лингвистический империализм, Роберт Филипсон, культурно-языковая глобализация, гегемония английского языка, мультикультурализм, макролингвополитология, политическая социология языка, глоттополитика, геополитика языка

Введение

Сложившееся на сегодняшний день положение английского (или правильнее будет сказать, американско-английского) языка является следствием политики лингвистического империализма (linguistic imperialism), который можно определить как культурное доминирование посредством языка [\[13, с. 142; 27\]](#). Данный терминологический комплекс описывает явление, которое, в свою очередь, концептуализируется более общим понятием «культурного империализма» [\[2-8\]](#). Первоначально, говоря о языковом (или лингвистическом) империализме, имели в виду такую языковую политику колониальных держав, при которой имела место маргинализация местных языков вплоть до их полного исчезновения [\[4; 7-8; 10; 14; 19\]](#). В наши дни узус понятийного комплекса «культурно-языковой империализм» расширился, так что последний в изменившейся парадигме

международной среды обозначает теперь «языковую политику мировой сверхдержавы по отношению ко всем другим языкам» [\[13, с. 156\]](#).

То, как различные исследователи определяют культурно-языковой империализм на современном этапе, соглашаясь с данным термином или же оспаривая его, в известной степени зависит от их индивидуального восприятия роли политико-экономических и военных факторов, определяющих могущество западных англоязычных государств [\[1; 20; 27\]](#). Хотя этот термин может применяться к любому языку, в академическом сообществе он наиболее часто используется для описания американо-английского языка [\[8-9; 21; 27; 29\]](#).

На основе актуальных макролингвополитических процессов (используя категориально-теоретический аппарат, предложенный российскими исследователями в рамках петербургской школы изучения лингвистического измерения мировой политики [\[12; 14-17; 19; 22-23; 27\]](#)) нами была сформулирована следующая цель исследования, которая заключается в комплексном анализе положения американо-английского языка в глобальном международном контексте, с акцентом на политику лингвистического империализма США.

Методологической основой исследования послужил макросоциолингвистический подход, опирающийся на классические идеи Р. Филипсона [\[9; 29\]](#) (в интерпретации Н.В. Ковалевской [\[27\]](#), М.А. Марусенко [\[2; 8\]](#) и Я.Н. Шевченко [\[11; 13; 17\]](#)), а также в работе был использован системный подход в целях формирования целостного и объективного представления о процессах, связанных с актуальными проблемами распространения американо-английского языка в мире [\[3-4; 8-9; 19; 27; 29\]](#).

Обсуждение и результаты

Непосредственно терминологический комплекс «языковой империализм» стал активно фигурировать в научных работах с начала 1990-х годов с легкой руки Р. Филипсона, который понимал под англоязычным языковым империализмом «утвердившееся и поддерживаемое истеблишментом доминирование и сохранение структурного и культурного неравенства между английским и другими языками» [\[29, p. 14\]](#). Филипсон не только проанализировал в диахронической перспективе процесс распространения американо-английского языка в качестве международного, но также исследовал механизмы, позволившие сохранить его доминирующее положение в постколониальный период (Индия, Пакистан, Уганда, Зимбабве) и, прежде всего, в неоколониальный период (континентальная Европа) [\[9; 29\]](#). Наиболее значимый вывод, который делает Филипсон в своем исследовании, можно сформулировать так: в странах, где английский язык изначально не является родным, он становится в первую очередь языком элит [\[9\]](#). Те, кто владеет английским языком, могут успешно вступать во взаимодействие с иностранцами, с международными организациями и институтами (ООН, Всемирный банк) и т.д. Благодаря этому факту англофоны обретают возможность принимать решения за тех, кто этим языком не владеет [\[3; 8; 18-19; 29\]](#).

Решающее значение в деле распространения американо-английского языка исторически относится ко времени Второй мировой войны и отчасти захватывает послевоенный период [\[24\]](#), когда американское влияние охватило большую часть земного шара, а английский язык выступал в роли посредника, при помощи которого осуществлялась доставка американской мощи и англо-американских технологий и финансовой помощи

[19]. Именно с этого исторического момента начинается триумфальное шествие английского языка по миру (как в британском, так и в американском его вариантах), и для очень многих людей (прежде всего, для молодежи) он стал маяком надежды, олицетворяя собой возможности для построения лучшего будущего, связанного а) с материальным благополучием, а также б) с доступом к профессиональным и научным знаниям [13, с. 143]. Во всем мире идеи массового потребления, международной торговли, поп-культуры, конфликта поколений и технократии выражаются при помощи американо-английских и британо-английских слов и выражений [21, p. 56; 25].

Однако не следует все же преувеличивать роль геополитического фактора, когда мы говорим о том, как именно американо-английский язык приобрел статус универсального языка международного общения. По завершении Второй мировой войны были также учреждены важнейшие финансовые институты, в которых США и по сей день играют первую скрипку. Претворяя в жизнь «план Маршалла», американцы приняли самое непосредственное участие в послевоенном экономическом восстановлении Европы, Японии и целого ряда государств Индо-Пацифики [28, с. 14]. Корейская война, а затем и вооруженный конфликт во Вьетнаме продолжили процесс расширения пространства американской культурной гегемонии [4, с. 40]. Заметную роль в реформировании существовавшей на тот момент системы международных экономических отношений и внедрении свободного рынка в странах, которые традиционно функционировали в рамках механизмов командно-административного экономического регулирования, сыграла созданная после Второй мировой войны Бреттон-Вудская система [28, с. 14; 30]. В результате большое число стран открыли свои границы для глобальных финансовых потоков, товаров, знаний и культуры [26], что неизбежно привело к очередному усилению влияния американо-английского языка на международной арене [3-5; 9; 19].

К сожалению, происходящее на этом фоне обеднение национальных языков, как справедливо отмечает доцент МГУ им. М. В. Ломоносова Н. В. Ковалевская, может иметь следствием тотальное размежевание соответствующих обществ на две категории – на тех, кто владеет английским, и тех, кто им не владеет [19; 27], что в свою очередь, безусловно, представляет прямую угрозу для демократий [21, p. 56]. В таких условиях, пожалуй, единственной возможной мерой, призванной преодолеть раскол внутри общества, выступает идея о том, что необходимо якобы развивать поэтапно (сперва частичное, а затем и полное) школьное образование на английском языке [25], дабы ни одно из государств на современной политической карте мира не оказалось в стороне от ширящейся глобализации в рамках системы международного экономического взаимодействия [1-2; 6].

В перспективе постепенная утрата функциональности для национальных языков может приобрести планетарные масштабы, распространившись, точно пандемия, по всему земному шару. Поэтому колоссальная ответственность лежит здесь на руководстве высших учебных заведений, которые ответственны за принятие решений, нередко чреватых тяжелыми последствиями для национальных образовательных систем, о которых сами руководители университетов зачастую даже не подозревают [1; 6]. В этой связи нам представляется очевидной необходимость предварительного демократического обсуждения, в рамках которого мог бы состояться обстоятельный обмен мнениями среди представителей всех заинтересованных сторон. Пока что такие обсуждения, насколько нам известно, не ведутся ни на уровне университетов, руководители которых в большинстве стран неизменно навязывают использование

английского языка, считая такую политику в области образования исключительно «прогрессивной» [21, p. 61; 25], ни среди политиков, часто неспособных принимать стратегические решения в образовательной сфере, ни в средствах массовой коммуникации [26, p. 63].

Существует целый ряд факторов, определяющих, почему правительства многих стран мира принимают решения в пользу перехода на английский язык в рамках национальных образовательных систем [1; 9]. Два из этих факторов обнаруживают себя с известной степенью очевидности. Во-первых, речь идет об исполненной фатализма убежденности отдельных лиц, ответственных за принятие политических и управленческих решений, в том, что их собственные национальные языки не имеют будущего, а во-вторых, не стоит сбрасывать со счетов также и фактор глобалистского конформизма, присущего многим государственным деятелям. Однако мы вынуждены согласиться с профессором кафедры математической лингвистики СПбГУ М. А. Марусенко относительно того, что существует еще и третий фактор, о котором специалисты в области образовательной политики упоминают сравнительно редко. Речь идет о том, что открытие программ на английском языке якобы необходимо для привлечения иностранных студентов [3]. Такого рода заявления, по мнению М. А. Марусенко, не дают широкого простора для интерпретаций и могут указывать всего лишь на один факт: конкретная образовательная политика уже ориентирована на создание особых условий для будущих иностранных студентов, чьи родители заблаговременно вложили необходимые средства в обучение своих детей английскому языку, включая, в частности, и финансирование их зарубежных стажировок [6].

В первое поколение традиционно входят представители элиты, те, кто получил высшее образование на английском языке. Они (в свою очередь) естественным образом захотят, чтобы их дети унаследовали их привилегированное положение [24]. Как правило, такое положение вещей приводит к переносу английского, как языка обучения, на уровень школьного образования, и во многих странах в системе среднего образования уже существуют школы, учебный процесс в которых ведется исключительно на английском языке [8].

Любопытный пример двойного подхода, присущего американской культурно-лингвистической политике представляет отношение к многоязычию, которое мы можем наблюдать внутри страны и за ее пределами. Так, если внутри США политика ассимиляции все больше трансформируется в политику мультикультурализма, неотъемлемой частью которого является мультилингвизм (происходит разворот от «плавильного котла» к «салатнице», как метафорично описывает эту тенденцию М. А. Марусенко [4; 7]), то внешний культурно-языковой империализм официального Вашингтона в отношении мультикультурализма традиционно исходит из позиции жесткого неприятия [19; 29].

Опираясь на идеи мультикультурализма в процессе формулирования целей и задач своей культурной и образовательной политики, многие современные государства вполне заслуженно, на наш взгляд, становятся мишенью для критики со стороны мирового академического сообщества, причем эта критика может исходить из двух принципиально отличающихся друг от друга точек зрения. Сторонники первой – философской – точки зрения склонны утверждать, что политика мультикультурализма несовместима с базовыми либерально-демократическими принципами [27, p. 17-21]. На протяжении многих лет, особенно в 1980–1990-е гг., эта точка зрения была крайне популярна в научной

литературе по социолингвистике [\[22; 29\]](#). Однако с середины 1990-х гг. ей на смену пришел новый (эмпирический) аргумент, направленный против политики, построенной на принципах мультикультурализма. Согласно логике эмпириков, политика мультикультурализма на практике препятствует реализации курса на сохранение сильного государства всеобщего благоденствия (welfare state), потому что самые основания политики мультикультурализма подрывают межличностное доверие, социальную солидарность и политические коалиции – все то, на чем зиждется концепция государства всеобщего благоденствия [\[27, p. 21-24; 30\]](#).

Часто оба описанных выше критических подхода – философский и эмпирический – используются в комплексе. Так, исследователи, убежденные в том, что философские истоки мультикультурализма следует искать в работах мыслителей либерального толка, столь же легко соглашались с мыслью, что мультикультурализм может выступать деструктивным фактором по отношению к государству всеобщего благоденствия [\[13, с. 141-142\]](#).

В горизонте социологических и демографических исследований прилагательное «мультикультурный» обычно указывает на общества, характеризующиеся высоким уровнем этнокультурного или расового разнообразия [\[21, p. 57\]](#). С точки зрения демографической науки, общество принято считать мультикультурным, если оно включает расовые или этнические меньшинства, вне зависимости от того, как государство к ним относится [\[21, p. 57-58\]](#). В то же время отдельные исследователи приходят к выводу, что демографический мультикультурализм самим своим существованием бросает вызовы современной концепции государства всеобщего благоденствия [\[19; 27\]](#). Почетный профессор СПбГУ В. С. Ягья (1938-2020) считал, например, что мультикультурализм ставит преграды на пути к практической реализации концепции welfare state, независимо от того, активно ли то или иное государство поддерживает расовое разнообразие в пределах собственных границ или же только терпит его [\[19\]](#). В современных условиях наиболее авторитетные специалисты по данному вопросу сходятся во мнении, что страны с расово однородным населением и принимающие незначительно число иммигрантов, гораздо эффективнее и быстрее способны построить государство всеобщего благоденствия, нежели страны, для которых характерно большее демографическое разнообразие [\[10; 26, p. 59\]](#).

Далее остановимся подробнее на основных обвинениях, которые могут быть предъявлены в адрес правительств, реализующих на практике политику мультикультурализма.

Во-первых, это так называемый эффект вытеснения (the crowding out effect). Предполагается, что в рамках политики мультикультурализма происходит заметное снижение эффективности в вопросах перераспределения правительственных ресурсов, когда вместо целевого использования времени, энергии и денег на реализацию конкретных государственных программ значительная часть этих ресурсов тратится на поддержку мультикультурализма [\[27, p. 59-60\]](#). Лица, ответственные за принятие и исполнение государственных решений, не могут эффективно заниматься перераспределением средств или защитой государства всеобщего благоденствия от бюджетных сокращений, так как они вынуждены тратить свое время и энергию на решение проблем, связанных с мультикультурализмом. В качестве примера достаточно вспомнить, как Университет штата Калифорния (Лос-Анджелес, США) вел активную борьбу против увеличения общего количества студентов, представляющих те или иные

меньшинства, что происходило на фоне значительных сокращений в бюджете образовательной системы штата, которые вуз оставил практически без внимания, тогда как для студентов из меньшинств это существенным образом сказалось на их возможности оплачивать учебу в университете. Иными словами, общественные усилия, которые целесообразно было бы направить на защиту образовательной системы конкретного американского штата, уходили в массу своей на разногласия с потенциальными союзниками [24].

Во-вторых, среди обвинений в адрес правительств, проводящих политику мультикультурализма, отдельные исследователи выделяют еще и коррозионный эффект (the corroding effect). Речь идет о том, что практики, присущие политике мультикультурализма, зачастую препятствуют перераспределению ресурсов в том числе из-за снижения уровня доверия и солидарности граждан (выражаясь метафорически, происходит «коррозия» указанных общественных институтов и связанных с ними практик) [24]. Как справедливо отмечает профессор М. А. Марусенко, когда мы признаем миноритарные группы в рамках политики мультикультурализма, это может повлечь за собой возникновение культурной обиды со стороны конкретного меньшинства за снисходительно-патерналистское отношение к его представителям доминирующей этнокультурной группы: ощущение обиды ведет к недоверию между членами разных сообществ и, как следствие, затрудняет создание межэтнических коалиций [4, с. 48; 7]. Другой причиной «коррозии» солидарности выступает мультикультурализм в аспекте институциональной сегрегации, при которой различные этнокультурные и расовые группы, живущие словно в ортогональных реальностях, с трудом находят общий язык между собой, из-за чего у них не формируются устойчивые привычки, связанные с потребностью сотрудничать с представителями иной этнокультурной или расовой группы и доверять ее представителям. Все это имеет результат в виде двух концепций мультикультурного образования: в рамках первой концепции считается необходимым, чтобы все дети обучались по единым программам, включающим информацию обо всех группах, проживающих в данной стране, тогда как вторая концепция исходит из установки на открытие отдельных школ с разными программами для разных групп [24]. Очевидно, что второй вариант скорее деструктивен, нежели полезен, если мы стремимся к созданию долгосрочной атмосферы доверия и солидарности.

Третий эффект, о котором необходимо упомянуть в рамках интересующего нас исследовательского сюжета, называется эффектом ошибочного диагноза (the misdiagnosis effect). Данный эффект выражается в том, что мультикультурализм может внушать людям ошибочное представление о проблемах, с которыми сталкиваются меньшинства (отсюда и название эффекта). В результате в обществе складывается мнение, что краеугольным камнем всех проблем, связанных с этнокультурными меньшинствами, является, прежде всего, непризнание их культур, и что якобы для решения этого вопроса достаточно будет признания со стороны государства конкретных этнических идентичностей и культурных практик, напрямую вытекающих из их самобытности [7; 10]. Однако представляется, что такого рода решения не отличаются особой результативностью, потому как корни данных проблем следует искать гораздо глубже.

В современных условиях мы можем обнаружить эффект ошибочного диагноза в двух вариантах [7]: в рамках первого из них проводится мысль о том, что, акцентируя внимание на культурных различиях, мы неизбежно отвлекаемся от различий расового характера, которые зачастую вызывают к жизни куда более важные проблемы, к

примеру, для афроамериканцев. Как справедливо отмечает американский исследователь Б. Барри, «расисты испытывают презрение не к культуре черных, а к самим черным. Источником расовых столкновений здесь выступает не конфликт между черной и белой культурами, а между самими индивидами и социальными группами. Если человек владеет определенной суммой знаний о памятниках нубийской архитектуры, это нисколько не гарантирует уважения с его стороны по отношению к афроамериканцам... Культура не является проблемой, но и решением проблемы ее тоже считать не следует» [24].

Второй вариант эффекта ошибочного диагноза предполагает акцентуацию внимания академического сообщества на различиях этнического и расового характера, отвлекая тем самым внимание специалистов от возможных дискуссий по вопросам классовой принадлежности. При таком подходе на передний план выходит проблема экономической маргинализации, которая, на наш взгляд, является значительно более реальной, нежели вопросы, так или иначе связанные с непризнанием культуры того или иного этнолингвистического сообщества. Иными словами, для решения данной проблемы представляется предпочтительным вместо политики мультикультурализма принятие действенных политико-экономических мер по улучшению положения данной маргинализованной группы на рынке труда путем расширения доступа ее представителей к качественному образованию и хорошо оплачиваемой работе. Следует признать, что политика мультикультурализма нередко приводит к тому, что у значительной части населения в головах создается впечатление, согласно которому основная потребность рядового пакистанского иммигранта в условной Великобритании – это как раз не приличное жилье, достойное образование и хорошо оплачиваемая работа, а стремление к тому, чтобы его этнорелигиозные установки и связанная с ними культура (например, желание носить национальную одежду) приобрели в конечном итоге более высокий социальный статус, что, разумеется, не соответствует действительности. Преодоление экономической маргинализации – вот что является приоритетом для большинства представителей этнических меньшинств, однако удовлетворить эту потребность возможно лишь при условии, если в конкретном обществе возникнет классовый межэтнический союз [7].

Заключение

Подводя итоги, отметим, что обе рассмотренные нами версии эффекта ошибочного диагноза убедительно указывают на тот факт, что на практике проведение в жизнь политики мультикультурализма способно не только отвлечь энергию от решения наиболее актуальных проблем общества, связанных с расизмом и классовым неравенством, но и препятствует этноязыковым меньшинствам в осознании реальных первопричин их бедственного положения. Более того, в своем макиавеллистском изводе данный эффект может и вовсе быть интерпретирован таким образом, что реальной целью политики мультикультурализма в том виде, как ее понимают представители экономической элиты и большинство правых политиков, собственно и является стремление последних просто отвлечь население от насущных проблем расизма и экономической маргинализации.

Библиография

1. Гуторов В. А. Европейский союз на лингвополитическом перекрестке: современные коллизии и дилеммы // Политическая наука. 2017. № 2. С. 200-214. EDN ZAFKYF.
2. Марусенко М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодернизма: языковые последствия глобализации. М.: ВКН, 2015. 494 с. ISBN 978-5-9906061-5-9. EDN YKUNCP.

3. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Английский язык в ЕС: до и после Брексита // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2024. Т. 21, № 4. С. 641-657. DOI 10.22363/2618-897X-2024-21-4-641-657. EDN DEWVEG.
4. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Институционализация гегемонии английского языка в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 4. С. 35-51. DOI 10.31857/S2686673024040032. EDN SBOFWL.
5. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Канадская языковая идеология как она отражена в переписях населения: лучшая альтернатива американским переписям // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 49, № 7. С. 62-77. DOI 10.31857/S032120680005616-1. EDN IKQYYD.
6. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Образовательная языковая политика в современном мире: в 2 томах. М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2024. 387 с. ISBN 978-5-16-018263-6. DOI 10.12737/1946228. EDN YJWTF5.
7. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 12. С. 61-75. DOI 10.31857/S268667300017541-5. EDN IWKSMJ.
8. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Языковые идеологии и американский языковой империализм: моногр. М.: Научно-издательский центр Инфра-М, 2025. 240 с. ISBN 978-5-16-020391-1. DOI 10.12737/2171043. EDN JRKIYU.
9. Филлипсон Р. Введение в концепцию языкового империализма // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2021. № 4(450). С. 143-151. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10420. EDN XSNLCE.
10. Хилханова Э. В. Новые тенденции по отношению к многоязычию и миноритарным языкам в глобальном масштабе // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 4. С. 64-75. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.4.6. EDN RQIZTC.
11. Шевченко Я. Н. Внешняя языковая политика России в условиях цифровизации международных отношений: институциональный аспект // Языковое образование в меняющемся мире. Краснодар: Издательский дом-Юг, 2023. С. 44-46. EDN VEYBPB.
12. Шевченко Я. Н. Внешняя языковая политика Российской Федерации на современном этапе (на примере деятельности Института Пушкина) // Вестник молодых учёных-международников. 2019. № 2(8). С. 117-125. EDN NORBQR.
13. Шевченко Я. Н. Геополитика языка Жана Лапонса: очень краткое введение // Образование. Наука. Культура: традиции и современность. Краснодар: Издательский дом-Юг, 2023. С. 140-143. EDN HFELOK.
14. Шевченко Я. Н. Законы Лапонса и внешняя языковая политика России и Японии // Межкультурный диалог в современном мире. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 124-130. EDN KTEWTQ.
15. Шевченко Я. Н. Институт Пушкина как основной проводник мягкой силы Российской Федерации // Общественная дипломатия глазами студента-международника. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 78-83. EDN ZBHGYH.
16. Шевченко Я. Н. Программа "Послы русского языка в мире" – интеллектуальное волонтерство в аспекте глоттополитики // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 248-257. EDN SKPWDI.
17. Шевченко Я. Н. Программа "Послы русского языка в мире" и внешняя языковая политика Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 1(26). С. 58-61. DOI 10.26140/anie-2019-0801-0010. EDN ZBIYEP.
18. Шевченко Я. Н., Либерио К. Р., Олянин Е. Е. Лингвифонии Евразии в институциональном аспекте: от Международной организации Франкофонии к Международной организации по русскому языку // Образование. Наука. Культура:

- традиции и современность. Краснодар: Издательский дом-Юг, 2024. С. 138-141. EDN OBEVCT.
19. Ягья В. С., Блинова Н. В. Английский язык как фактор мировой политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 4. С. 102-108. EDN IIVJNP.
20. Arakelyan N. P., Shevchenko Ya. N. Russophobia: An Old Ideological Myth in a New Geostrategic Context // Education. Science. Culture: Traditions and Modernity. Krasnodar: Publishing House – South, 2024. P. 159-161. EDN KOTJND.
21. Danilov V. D., Shevchenko Ya. N. Russian Language in the Post-Soviet Space Through the Eyes of Young Researchers from Russia and Kyrgyzstan: Apology for Pragmatism and New Opportunities for the Dialogue of Cultures // International Relations. 2020. No. 3. P. 54-66. DOI 10.7256/2454-0641.2020.3.30020. EDN YJEWSM.
22. Gudalov N. N. How Many Linguistic Turns Has the International Relations Thought Seen? // Science SPbSU 2021. St.-Petersburg: St.-Petersburg State University, 2022. P. 775-776. EDN IACFFR.
23. Gudalov N. Thomas Hobbes and the Linguistic Construction of the International Political Space // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. St.-Petersburg: Springer Nature Switzerland AG, 2023. P. 171-185. EDN MYXJQA.
24. Histoire sociolinguistique des États-Unis. La superpuissance et l'expansion de l'anglais. URL: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/amnord/usa6-8histoire.htm> (accessed: 10.09.2025).
25. Kazakov V. D., Shevchenko Ya. N. Lingvodidactic Prospects of Using American Superhero Comics as a Means of Improving Foreign Language Communicative Competence Among High School Students // Vectors of Education: From Tradition to Innovation. Krasnodar: Publishing House – South, 2023. P. 141-143. EDN EAAODL.
26. Kovalevskaja N. V., Tikhotskaia M. A., Shevchenko Ya. N. "Digital Geopolitics" in the Regional Context: Challenges and Prospects of the European Union on Its Way towards Information Sovereignty // World Politics. 2021. No. 4. P. 52-65. DOI 10.25136/2409-8671.2021.4.36957. EDN FILSXX.
27. Kovalevskaya N. V. Linguistic Dimension of International Relations: Course Syllabus: For international non-degree students. Berlin: Golden Mile GmbH, 2014. 30 p. ISBN 978-3-944611-05-1. EDN ULIPTB.
28. Mukhamadeev D. V., Shevchenko Ya. N. Trade, Economic and Sanctions Wars: An Attempt to Theoretically Differentiate the Ideas in the Context of the International Relations Science // World Politics. 2020. No. 1. P. 12-22. DOI 10.25136/2409-8671.2020.1.29072. EDN NEMOED.
29. Phillipson R. Linguistic Imperialism Continued. New York; London: Routledge, 2009. 289 p. EDN QWEASD.
30. Shevchenko Ya. N. Inventing the "Australian School" in International Relations Theory (Key and Significant Figures) // Education. Science. Culture: Traditions and Modernity. Krasnodar: Publishing House – South, 2024. P. 179-181. EDN KBQMRP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является положение американо-английского языка в мире в контексте американской политики лингвистического империализма, актуальность которого очевидна и обусловлена повышенным интересом ученых к проблеме американо-английского лингвистического империализма и его

последствий («в перспективе постепенная утрата функциональности для национальных языков может приобрести планетарные масштабы, распространившись, точно пандемия, по всему земному шару»). Целью данной работы является комплексный анализ положения американско-английского языка в глобальном международном контексте, с акцентом на политику лингвистического империализма США.

Теоретическую основу исследования составили труды, посвященные языковой идеологии и американскому языковому империализму, образовательной языковой политике в современном мире, институционализации гегемонии английского языка в США, внешней языковой политике Российской Федерации и других государств и пр. Библиография насчитывает 30 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако вызывает вопросы частотное обращение автора(ов) к научным трудам профессора Михаила Александровича Марусенко (7 источников) и Яна Николаевича Шевченко (14 источников из 30, что составляет около 47%). Рецензент несколько не умаляет заслуги этих ученых, но любое научное изыскание должно быть объективным и, следовательно, не опираться в большей мере на работы одних и тех же авторов.

Методологической основой исследования послужили макросоциолингвистический и системный подходы, а также общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод с элементами наблюдения, обобщения, интерпретации материала, социокультурный и когнитивный анализы.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, проведен качественный и критический анализ изучаемой проблемы: рассмотрен терминологический комплекс «языковой империализм»; проанализирована языковая политика в современном мире, в том числе в сфере образования; подробно разобраны эффект вытеснения (the crowding out effect), коррозионный эффект (the corroding effect), эффект ошибочного диагноза (the misdiagnosis effect), возникающие в рамках государственной реализации политики мультикультурализма. В заключении сформулированы выводы о том, что «на практике проведение в жизнь политики мультикультурализма способно не только отвлечь энергию от решения наиболее актуальных проблем общества, связанных с расизмом и классовым неравенством, но и препятствует этноязыковым меньшинствам в осознании реальных первопричин их бедственного положения».

Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы теоретического знания, как концепция языкового или лингвистического империализма, теория лингвокультурной идентичности, теория межкультурной коммуникации, лингвокультурология и могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Указанное замечание носит рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».